

Янь Сюй тупо смотрел в потолок. Сквозь едва забрезживший рассвет пробивались золотистые лучи, но он лишь тяжело вздохнул.

— Как же хочется, чтобы мой альфа был сейчас рядом... — прошептал он.

Увы, желаемое не совпадало с действительностью. Он открыл телефон и, глядя на сохраненные фотографии Бо Вэньгуаня, погрузился в глубокую тоску. Омега после Глубокой метки испытывает к своему альфе неистовую привязанность, и в такие моменты одно лишь присутствие его запаха рядом дарило бы чувство покоя.

Внезапно навалилась тошнота. Омерзительное чувство разлилось по телу, конечности сделались ватными и слабыми, голова закружилась. Янь Сюй почти на четвереньках дополз до унитаза.

Ледяная плитка больно впилась в колени, но ему было не до того. Он смотрел на кружащуюся в сливе воду и впадал в панику. Не только он, но и Бо Вэньгуань — они оба забыли об одной критически важной вещи: после Глубокой метки они не предприняли никаких мер предосторожности!

Ресницы Янь Сюя задрожали, руки ходили ходуном, мышцы словно перестали слушаться его. Он не знал, как протекает беременность, но понимал одно: сейчас для этого был самый неподходящий момент.

На подгибающихся ногах он дополз до кровати и, дрожащими пальцами нащупав телефон, нажал кнопку вызова. Колени сдирались о пол, воротник одежды врезался в шею, кожа на ней покраснела, но он не чувствовал боли. Ему просто хотелось услышать голос Бо Вэньгуаня, хотя бы короткое приветствие.

Трубку подняли быстро. На том конце послышался шум, похожий на гул бара. Сердце Янь Сюя ушло в пятки, но он подавил эмоции, приглушил свои чувства и спросил:

— Где ты? Я так скучаю.

Он был лишь тем, с кем Бо Вэньгуань совершил Глубокую метку. Янь Сюй не знал, какое место занимает в его сердце, и инстинктивно чувствовал, что не должен слишком глубоко вторгаться в его личную жизнь.

Его голос звучал нежно, словно тягучая молочная карамель, но внутри была лишь горечь. Он не знал, как объяснить всё то, что произошло этим утром.

— Я на работе. Что случилось? — на том конце Бо Вэньгуань, по-видимому, зажал телефон в ладони и переключился на Bluetooth-гарнитуру. Его голос был таким же, как всегда: учтивым, бархатистым, словно из любимого кинофильма.

Однако Бо Вэньгуань уловил перемену в тоне своего маленького омеги. Раньше тот был полон солнечного света и бодрости, теперь же в его голосе сквозили беспомощность и осторожность.

Эта перемена больно кольнула Бо Вэньгуаня. Он не понимал, почему так происходит, и списывал всё на притяжение феромонов.

— Если что-то случилось, говори сразу, не скрывай от меня, — Бо Вэньгуань отошел в сторону, и посторонние шумы стихли.

Янь Сюй шмыгнул носом.

— Кажется, я беременен... — он больше не мог притворяться перед человеком, который был ему дороже всех. Он выложил всё как есть, глаза его намокли, а ресницы часто-часто задрожали. — Что мне теперь делать?

— Малыш, ты дома? — тон Бо Вэньгуаня мгновенно стал серьезным. — Не бойся, я сейчас же приеду к тебе.

Как он мог забыть о самом главном? Поддавшись чувствам, они потеряли контроль, а значит, беременность была самым вероятным исходом. В ту ночь, когда всё достигло пика, его разум опустел, осталась лишь одна мысль — обладать.

Он хотел проникнуть глубже, словно добираясь до самых истоков тайны, найти самое соблазнительное место омеги, чтобы оставить метку, чтобы захватить его целиком. Репродуктивный канал омеги стал для него ящиком Пандоры, который он жаждал открыть. Словно обнажив длинный меч, он без колебаний устремился вперед, до самого конца.

Закончив разговор, Бо Вэньгуань замер, глядя в коридор, и на мгновение растерялся. Согласно законам Империи, как только омега беременел, альфа был обязан жениться на нем. Это делалось ради будущего потомства, а отказ от брака грозил огромными штрафами и даже тюремным заключением.

Но он был еще молод, впереди была целая жизнь, неужели он должен связать себя навеки с этим омегой-статистом? Действительно ли он готов представить его своим родителям? Готов ли провести с ним всю жизнь, рука об руку?

Внезапно его словно осенило. Он стремительно бросился к гаражу. Он почувствовал, что должен ухватиться за что-то важное — за то, что станет сокровищем всей его жизни.